

* * *

УДК 93/94

DOI 10.17816/snv202208

Статья поступила в редакцию 14.04.2020

ОХРАНА ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО 1917 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. САМАРА)

© 2020

Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии, политологии и истории Отечества
Самарский государственный технический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье исследуются условия, сформировавшиеся в период революционного кризиса, отразившиеся на городской среде, включавшие нарушение общественного порядка, отличавшиеся для граждан дискомфортом, угрозой здоровью, жизни, имуществу. Выявлены изменения, произошедшие в возможностях свободного перемещения жителей города и использования ими ресурсов ландшафта в городском пространстве. Дана характеристика работы садово-парковых комплексов в условиях переходного политического процесса. Проанализированы трансформации в досугово-развлекательном ландшафте городской территории, возникшие в условиях революционного периода: изменение комплекса услуг и возможностей в работе садово-паркового ансамбля города. Выявлены способы ликвидации возникших проблем, обеспечения безопасности жизни и сохранения комфортной среды в городе. Проявление в условиях конкретной городской среды общероссийской тенденции кризиса в работе структур власти по налаживанию порядка соотнесено с охраной садово-парковой зоны. Выявлены причины регионального масштаба, повлиявшие на работу местных структур управления, которая оказалась несостоятельной в разрешении данной ситуации, а также деятельность конкретных ответственных лиц в противодействии разрушению городского пространства. Исследование осуществлено на основе материалов о губернском поволжском городе Самара. Основой источниковой базы является делопроизводственная документация в составе фонда городской управы.

Ключевые слова: российская провинция; тыловой город; город Самара; революция; 1917 год; революционная повседневность; быт; городская территория; милиция; комиссия по охране города; садово-парковое пространство; городские сады; Струковский сад; Александровский сад; Аржановский сад.

Повседневность в жизни общества включает разнообразные аспекты. К началу XX в. в процессе урбанизации почти повсеместно составляющей городского пространства стали садово-парковые комплексы [1, с. 50, 51]. Они были включены в состав городского хозяйства, являлись частью его инфраструктуры и ландшафта города [2, с. 49; 3, с. 3]. Исследователи отмечают, что архитектурно-пространственная среда поволжских городов также формировалась на сочетании природных и антропогенных компонентов [4, с. 81].

Основным предназначением садов и в предреволюционный период, совпавший с Первой мировой войной, было оздоровление и художественное обогащение городской среды, формирование доступного места отдыха для широкого круга горожан, включавшего прогулочные дорожки, зеленую зону, детские площадки для развивающих занятий, курзалы для постановки спектаклей и показа кинофильмов [5, с. 68; 6, с. 60]. При этом уже к началу XX в., задолго до революции, отмечавшиеся ранее иерархичность и сегрегированность городского досугового пространства стали постепенно стираться, нарастали процессы его гомогенизации и демократизации [7, с. 336].

Революция содействовала дальнейшей трансформации садово-паркового компонента городской среды. В контексте данного процесса сад может рассматриваться как пространство, выражающее динамику современности, не только при описании садов функционализма [8, с. 87], но и как характеристика сложного периода в развитии города и жизни горожан.

Данный период включал реконструкцию властных структур, изученную в социально-политическом контексте, в том числе и на материалах г. Самара.

Исследователи указывают на следующие тенденции при формировании новой власти: усиленное внимание органов городского самоуправления (городских дум) весной 1917 г. к формированию народной милиции в целях сосредоточения в руках охранных функций власти [9, с. 22]; активное участие новых структур – отрядов Красной гвардии и Военно-революционных комитетов – в наведении порядка в городе в ходе погромных акций с участием обывателей с мая 1917 г. [10, с. 91]; создание разнообразных чрезвычайных структур при формировании советской власти в г. Самара и уездных городах Самарской губернии в октябре 1917 – марте 1918 г. [11, с. 65]; проявление с первых дней революции между новыми органами власти в Самаре стремления к взаимодействию и фактическое бессилие представителей Временного правительства на местах по причине отсутствия финансирования [12, с. 43, 131].

Сложившийся комплекс исследований выдвигает в качестве новой проблемы анализ существования в условиях новой революционной реальности садово-паркового локуса города и изучение механизмов действия власти по его охране. Решение данных вопросов позволит обстоятельнее подойти к пониманию роли и возможностей обывателя в пространстве города в революционный период.

Поставленные задачи будут решаться на материалах территории города Самара, обладавшего в 1917 г. статусом губернского, находившегося в глубоком тылу весь предреволюционный и революционный период.

Материалы делопроизводства самарской городской управы позволяют заключить, что садово-парковое пространство города в условиях революцион-

ного периода испытало серьезные проблемы. В данный период в составе территории города Самара находились несколько городских садово-парковых комплексов, среди которых выделялись относительно благоустроенным для прогулок и отдыха, а некоторые и наличием детских площадок, павильона для просмотра развлекательных программ и доступным местом расположения в черте жилой застройки или рядом с ней: Струковский сад рядом с р. Волгой, в пределах улиц Алексеевской, Александровской, Дворянской и Набережной Волги (современные улицы соответственно: Красноармейская, Вилоновская, Куйбышевская и М. Горького), Александровский сад (район современной Хлебной площади), Аржановский сад, располагавшийся между Трубочным заводом и Волгой, Соборный сад и сквер рядом с кафедральным собором и Соборной площадью (современная площадь Куйбышева), Покровский сад, располагавшийся между Троицким и Ильинским базарами (современный район стадиона «Динамо»).

Полнобоваться на растения – цветы, кустарник, деревья, – получив таким образом эмоциональную разгрузку, а также приобрести понравившееся растение для высадки на собственных участках горожане могли в городских питомниках: в Вокзальном питомнике (рядом со станцией Самара), в городском питомнике на углу улиц Полевой и Почтовой (современные улицы Агибалова и Рабочая) [13, л. 46]. В питомниках выращивались разнообразные цветы и деревья, которые можно было лицезреть или приобрести. Так, в сентябре 1917 г. в Городском питомнике реализовывались левкой, герань, хризантема, купрезуса, бегония, фикус, экзотические пальмы, а также туя, тополь, клен. На территории Вокзального питомника выращивались акация, ясень, тополь, клен, береза, хризантемы. Желающие могли купить также букет цветов в подарок, заплатив немалую сумму в 15 руб. Для сравнения: герань стоила 1 руб., хризантема – 3 руб., туя – 4 руб., пальма – 45 руб. [13, л. 63, 82, 84–85].

Отметим, что в условиях революционного года за хозяйством садов осуществлялся присмотр. Старшим садоводом городского сада в этот период являлся Г.С. Девяткин, затем В.Д. Поваров [14, л. 4, 8–9]. Городское самоуправление выделяло небольшие средства на содержание и уход за садами. В последний предреволюционный год, 1916-й, и на 1917 г. городским самоуправлением были ассигнованы средства на озеленение Струковского сада в размере 134 и 100 руб. соответственно, Соборного сада и сквера – по 50 руб., Александровского сада – по 25 руб., Покровского сада – по 20 руб. На сезон 1917 г. была составлена смета на закупку глиняных горшков для Струковского (на 84 руб.), Николаевского (на 66 руб.), Александровского (на 18 руб.) садов. В апреле осуществлялась уборка сада от прошлогодней листвы, для чего потребовались четыре подводы для Струковского сада и три – для Покровского [13, л. 37; 14, л. 7, 22].

Первая мировая война повлияла на содержание садово-паркового пространства [15, с. 146]. Военные издержки привнесла в обустройство садов негативный контекст – отсутствие необходимых средств на должное содержание стало постепенно приводить к определенному запустению. Политические перемены 1917 г. усугубили данную тенденцию. Так, в Ни-

колаевских садах в мае 1917 г. изгородь вокруг садов «во многих местах повалилась». В Александровском саду, посадки в котором составляла в основном желтая акация, растительность долго не выстригалась и не подравнивалась, и к осени 1917 г. он принял «неприличный вид». В Струковский сад для полива нужны были новые рукава для опрыскивания, поскольку старые порвались, но их не поставили. Рукав для полива требовался и в Александровский сад, но ни в мае, ни в июне, когда им уже нужно было активно пользоваться, средства на рукав не поступили. К началу августа для Струковского сада потребовалось также стекло, чтобы остеклить в два слоя оранжереи, поскольку климат для рассады был прохладным, для сохранения внутри строения тепла приходилось тратить много дров, а тепло быстро улетучивалось [13, л. 37а; 14, л. 26, 27, 50, 56].

Кроме проблем с содержанием садово-паркового пространства, стали формироваться более серьезные ситуации. Проблемой для садов стали кражи инвентаря, который использовался при уходе за садом, и другого имущества, необходимого для функционирования сада. В конце апреля 1917 г. старшему городскому садовнику городской управой было поручено «спешно» организовать охрану городского имущества в саду, «в особенности предметов электрического освещения», для чего с Алексеевской площади был откомандирован один из сторожей и еще один найден из штата. Причина введения специальной охраны была связана с кражей электрических проводов и арматуры. Кражи случались трижды в прошедшем 1916 году. Однако сложившаяся обстановка оценивалась правлением городских электрических предприятий как сопутствующая повторению такой тенденции, из-за чего возникло опасение в срыве сроков налаживания освещения и, соответственно, в срыве открытия летнего сезона [14, л. 23, 25]. В июле в Александровском саду из оранжереи были украдены «неизвестно кем» инструменты, необходимые для садовых работ: три железные лопатки и один лом [14, л. 57].

Также в садах стали осуществляться погромные «эпопеи». Исследователи справедливо отмечают, что в условиях революции «восставшая» масса принесла на арену общественной жизни свои ценности [16, с. 156]. Размеренное существование садов как локуса отдыха, досуга в окружении природы было нарушено.

1–3 мая по городу «прокатились» пьяные погромы, в ходе которых на улицах города и частично в садах осталась лежать в нетрезвом состоянии масса обывателей. Подавление погромов проходило при участии отрядов Красной гвардии и Военно-революционных комитетов [10, с. 91].

Периодические эксцессы в садах стали причиной созыва заседания самарской городской садовой комиссии 29 мая 1917 г., на котором обсуждался вопрос о порче садов (поломка деревьев, кустарников, иных насаждений, изгородей, затаптывание газонов, цветников, детских площадок). Данные случаи происходили при активном участии нижних воинских чинов. Членами комиссии подчеркивалось, что при замечаниях местных обывателей нижним чинам они или не реагируют или в ответ угрожают и оскорбляют горожан. Подчеркнем значимый факт, отмеченный комиссией: к началу весны 1917 г. общественные сады находились «в должном состоянии», а в

конец мая констатировалось, что сады «благодаря весьма сильной за последнее время порче как насаждений, так и изгороди в ближайшее время, несомненно, будут уничтожены». Среди списка пострадавших садов фигурировал даже Аржановский, который использовался до этого исключительно для детских площадок, на которых осуществлялись развивающие занятия и игры, его территория не предназначалась для посещения взрослой публикой. Небольшой сквер на Алексеевской площади, на территории которого располагался памятник Александру II, также подвергся неуместному «вторжению»: публика стала сидеть на частях памятника и на ограждении, что привело почти всю ограду «в полную негодность». По итогам заседания указанной комиссии исполняющий обязанности городского головы и члены управы вынуждены были даже обратиться с жалобой на поведение военнослужащих в совет военных депутатов самарского гарнизона, требуя повлиять на ситуацию [14, л. 34–34 об.].

Нижние чины покушались не только на общественную, но и на частную собственность. 5 августа 1917 г. специально было создано чрезвычайное заседание самарской городской думы для рассмотрения вопроса «о бесчинствах солдат, терроризирующих своими насилиями садовладельцев». В ходе прений отмечалось, что предыдущей ночью солдаты не только разграбили сад, но и убили садовладельца [17, л. 1].

В плачевное состояние сады стали приходить не только из-за погромов размещенными в городе военнослужащими, но и в связи со своеволием, проявляемым местными жителями. В июне старший садовник городских садов жаловался в городскую управу на то, что арендаторы расположенного в саду курзала выпускают гулять по саду свиней, описывая ситуацию следующим образом: «...от них нет покоя; лезут на клумбы, роют землю, портят цветы, не успеваешь загонять». В июле в Струковском саду были задержаны три коровы, пасшиеся на садовом пространстве и причинившие ландшафту травму, оценка которой составила 100 руб. В августе история с выпасом коров в Струковском саду неоднократно повторилась. Причем владелицей коров оказалась жена бывшего городского Лукерья Белова [14, л. 44, 46, 66–67].

В конце июля 1917 г. новое неожиданное вторжение осуществилось в Аржановский сад: квартиру сторожа заняли под продовольственную лавку 18-го района. Этим воспользовался учитель Аржановской школы Ефим Васильевич, активное «хозяйничанье» которого сопровождалось запустением для плодового сада. Описывая бесчинства самоуправца, старший садовод отмечал, что учитель с деревьев «сдирает последнюю шкуру» и в результате они не будут плодоносить [14, л. 58].

В ноябре 1917 г. в самарской городской управе вновь рассматривался вопрос о необходимости сохранить городские сады от «варварского с ними обращения». По поводу занимающих центральное место расположения в городе Покровского и Соборного садов предлагалось охранять их, сделав прочное кирпичное ограждение. Покровский сад страдал по причине близости к двум базарам. Горожане активно перемещались через территорию сада по дороге на базар, вытаптывая на своем пути растительность [13,

л. 37–37 об.]. Постановка вопроса об охране садов путем создания мощного ограждения была также подогрета дикой выходкой: в ночь на 22 ноября 1917 г. в Вокзальном питомнике были порублены 89 деревьев [18, с. 42].

Наличие городских садов и парковой зоны должно было содействовать решению вопроса об отдыхе горожан, проведения досуга на свежем воздухе. Однако в условиях революционного периода обыватели столкнулись с проблемой доступа в сады. Так, в августе 1917 г. Правление союза рабочих и служащих самарского городского самоуправления направило в Самарскую городскую управу сообщение, в котором отмечалось, что городской сад («Струковский») в настоящее «революционное время» «самочинно» захватывается различными организациями для устройства платных гуляний. Причем с начала существования данного сада в качестве общедоступного было документировано, что на его территории может быть организовано не более шести платных гуляний в год, причем с благотворительной целью. Представители рабочих и служащих городского самоуправления негодовали по поводу того, что при устройстве платных гуляний большинство посетителей лишается возможности свободно дышать свежим воздухом, поскольку не каждый «может платить почти ежедневно 40 или 50 коп. за посещение», подчеркивали, что подобную роскошь себе могут позволить только «богачи», которые и так имеют дачи за городом, где и отдыхают на природе [13, л. 1]. Подчеркнем, что в условиях непростого для бюджета города военного периода вопрос о введении платы за посещение данного сада поднимался. Рассматривалась сумма в 2–3 коп., но данное предложение было отклонено городской думой [13, л. 1 об.].

Охрана городского пространства в г. Самара в 1917 г. менялась в условиях трансформаций, связанных с кардинальными изменениями во властных структурах, что соответствовало общероссийской тенденции, а также отражало региональную специфику.

Стоит отметить личностный фактор. По долгу службы старший садовод В.Д. Поваров, несмотря на сложный период в истории города и страны, своевременно обращал внимание управленческих структур к проблемам садово-паркового хозяйства, ставя вопросы о необходимости пополнения инвентаря, организации охраны садово-паркового пространства. Представители городской управы пытались найти выход в разрешении вопроса с охраной в сложившейся политической ситуации, привлекая к сотрудничеству появившиеся в поле власти различные политические силы и структуры, для которых городской ландшафт не являлся значимым вопросом деятельности.

Действия городской управы, которая осуществляла управление городским имуществом, в условиях революционного периода можно рассматривать как регламентационные, но не имевшие значимого влияния. На основании постановлений местных жителей привлекали к ответственности путем составления протоколов в отношении лиц, выпускавших скот пастись в сад [18, с. 42]. В управе поднимались и обсуждались вопросы об охране городского имущества, готовились обращения к правоохранительным и имеющим силовые возможности структурам. Так, на

заседании 29 мая 1917 г. были составлены документы на имя начальника самарской городской милиции об оказании помощи по охране садов – путем введения двух постов в Покровском саду, развешивания плакатов с разъяснением о необходимости сохранять сады и не допускать по отношению к растениям и территории сада беспорядков. Другой запрос был отправлен в Совет военных депутатов самарского гарнизона. Таким образом, управа пыталась привлечь внимание двух новых силовых структур, одна из которых явно не была ответственна за охрану порядка, но на практике обладала силовыми полномочиями, к существующим проблемам по охране города и добиться содействия и помощи в решении данного вопроса [14, л. 34, 36].

Как отмечалось выше, управа определяла новые места для несения сторожевой охраны в пределах городской территории, но в весьма ограниченном масштабе, принимала решения о создании защитных сооружений против лиц, которые могли испортить городское имущество.

Создавались новые структуры в составе городского самоуправления, призванные заниматься вопросами организации охраны города. В августе 1917 г. среди гласных городской думы была избрана Особая комиссия для выработки мер охраны граждан и их имущества. Работала комиссия по принятию мер охраны загородных владений и города. Состав комиссии по охране города и садов включал не только гласных городской думы (в том числе В.В. Ветрова, Г.И. Беляева), но и Начальника самарского гарнизона, Начальника городской милиции, Начальника штаба охраны, представителей артиллерийской бригады, саперного батальона, 102-го, 103-го, 142-го пехотных запасных полков и прокурора самарского окружного суда [17, л. 9–10].

До 1917 г. около десяти лет охрана городской территории осуществлялась ночными пешими караульщиками (согласно постановлению городской думы 1908 г.). В связи с директивами Временного правительства в России была создана структура милиции. В связи с ее учреждением в составе Самарской городской думы появилась милиционная комиссия. При формировании оснащение милиции в Самаре было сомнительным. Милиция была вооружена самыми разнообразными револьверами от бульдога до браунинга, кроме того, вооружены оказались не все милиционеры, а около половины. Примечательно, что самоуправлением был поставлен вопрос о вооружении милиционеров, причем единообразным оружием, и ассигнована сумма на оснащение им (до 400 револьверов системы Наган) [19, л. 1].

Влияние на формирование новой системы охраны городской территории оказало местное общество. 29 июля союз квартиронанимателей отказался финансировать ночную охрану, которая содержалась за счет добровольного обложения квартиронанимателей и домохозяев, о чем известил городское самоуправление и новые правящие инстанции на совместном совещании союза, городской думы, Комитета народной власти и штаба охраны. На совещании была признана необходимой немедленная организация ночной охраны в составе до 100 постов, вооруженных винтовками. Время дежурства постов предполагалось с 22 часов вечера до 5 часов утра. Перво-

начальное обсуждение проекта охраны предполагало создание специальной общей сигнализации и отличительных принадлежностей и экипировки: книжки, свистка, инструкции, разработки порядка подчинения. Вопрос о финансировании был отнесен на городской баланс с ежемесячным содержанием. Совещание постановило, что после утверждения городской думой данного проекта следует обратиться в Исполком совета солдатских депутатов с ходатайством о выделении из местных воинских частей караульной команды в 300 человек для несения службы в три смены. Первоначально предполагалось ввести такую охрану сроком на три месяца, а затем учредить постоянную ночную охрану из сугубо гражданских лиц [20, л. 2].

Проект быстро начал реализовываться. Финансовая комиссия городской управы постановила с 1 августа 1917 г. уволить ночных караульщиков и заменить их милиционерами. 7 августа специальная городская комиссия о принятии мер охраны города и прилегающих территорий постановила упразднить на основании заключения финансовой комиссии ночных пешеходных караульщиков. Было составлено несколько списков постов милиционеров: один включал 62 поста: 13 – по 1-му участку, 11 – по 2-му, 9 – по 3-му, 14 – по 4-му и 15 – по 5-му, а другой – 73 поста. Городской управой в редакцию «Городского вестника» для публикации с целью извещения местных жителей было передано сообщение информировавшее, что городу нужны лица на должность ночного караульщика (для привычного восприятия сохранялось старое название) и предпочтение будет отдано солдатам из воинских частей [20, л. 1, 3–6, 10, 16]. Предполагалось, что на содержание временной ночной охраны из солдат потребуется 10 тыс. руб. в месяц, которые следовало изыскать в городском бюджете. Также начальник милиции С.И. Шилев просил денег на покупку автомобиля для срочного выезда милиции в случае самосудов, и данная просьба была одобрена [20, л. 9].

Обращение к силам военных было вполне оправданным и, по всей видимости, единственно возможным в сложившейся ситуации. Еще 7 июля 1917 г. Временным правительством было издано постановление, карающее убийства, разбои и другие тяжкие преступления. Однако его реализация в случае совершения соответствующего преступления была затруднена. Разъезды милиционеров, по сообщению начальника городской милиции, оказались бессильны что-либо сделать в сложившейся ситуации, «так как солдаты делают набеги на сады группами человек в полтора», «ограбление садов происходит организованными шайками», превышающими силы милиции.

Военные не только стали силовым инструментом власти в городе, но из их же среды исходила угроза городскому имуществу. Одна из августовских повесток 1917 г. в протоколе городской комиссии о мерах принятых к охране города и прилегающих дач и садов называлась весьма красноречиво: «По вопросу о принятии мер к прекращению набегов на фруктовые сады и ограбление их солдатами Самарского гарнизона». При обсуждении происходящих в городе беспорядков отмечалось, что квартирующие в городе Самара солдаты группами по 40–60 человек осу-

шествяют набеги на фруктовые сады, «днем и ночью» грабят их на глазах владельцев, ломают фруктовые деревья, а также были случаи, когда «солдаты, вместо того, чтобы снять прямо плоды, срубали дерево и уносили его с плодами», а при попытке горожан препятствовать им в бесчинствах «только высмеивали владельцев», а также «избивали хозяев» и даже «были случаи и убийства пытавшихся защитить свое добро» [20, л. 8].

Как отмечал один из местных деятелей, В.В. Ветров, характеризуя ситуацию, сложившуюся с охраной честного и городского имущества: «...при прежнем режиме в аналогичных случаях обращались сначала к власти. Быть может теперь власть бессильна и отвечать должен каждый сам за себя, а Бог за всех, но прежде нужно вызвать комиссара и узнать, есть ли у него действительная власть и может ли он принять на себя ответственность за содействие и порядок в городе; в противном случае – придется нам самим взяться за дубье» [17, л. 7].

Городской ландшафт в условиях революционного 1917 г., как и многие другие компоненты повседневности, оказался в ситуации «безвременья». Процессы, происходившие с садово-парковым пространством города в 1917 г., оказались губительными для сугубо экономического состояния комплексов, но, что более значимо с точки зрения целостной оценки городского ландшафта, вызвали кардинальную трансформацию в антропогенно-природном взаимодействии. Стала укореняться следующая тенденция: городской обыватель, как местный житель, так и временно проживавший в городе (прежде всего, из числа военнотружеников), стал превращаться в активного разрушителя среды обитания, представленного садово-парковым локусом. Процессы демократизации, проходившие в социально-политическом спектре действительности, в отношении природного компонента городской среды вызвали противоположные тенденции: введение ограничений для пользования территорией и акты вседозволенности со стороны представителей общества.

Изменения в системе управления разрушили существование садово-паркового пространства как структурной части в целостном хозяйстве города. Оказалось, что ответственность за содержание и возможности его обеспечения, ранее лежавшая на городском самоуправлении, в связи с его периодической реорганизацией и становлением новых структур не может быть в полной мере реализована. Садово-парковый локус, являвшийся городским имуществом, переживал время перераспределения политических ролей, когда вместо реальных шагов по его охране и развитию преимущественно предпринимались регламентационные действия.

Список литературы:

1. Долгих Е.В. Городская повседневность рубежа XIX–XX вв.: структура общественного быта // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 1. С. 49–64.
2. Палий Л.В. Роль публичных садов и скверов в социокультурной повседневности российского провинциального города XIX – начала XX в. (на материалах Курска) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51), т. 1. С. 46–51.

3. Теодоронский В.С. Садово-парковое строительство и хозяйство: учебник для студ. учреждений сред. проф. образования. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 288 с.

4. Бирюкова А.Б. Сады и парки поволжских городов дореформенной эпохи (к проблеме модернизации городской пространственной среды российской провинции) // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2014. С. 80–85.

5. Иванова Л.И., Литвинов Д.В. К реконструкции городского общественного сада // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2016. № 1 (22). С. 68–74.

6. Семенова Е.Ю. Виды и формы досуга горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 1. С. 60–67.

7. Малышева С.Ю. Досуговое пространство провинциального города. Казань во второй половине XIX – начале XX вв. // Диалог со временем. 2010. № 30. С. 305–336.

8. Белкина Т.Л., Дормидонтова В.В. Садово-парковое пространство как художественная интерпретация научной картины мира // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. № 3. С. 81–88.

9. Кабытова Н.Н. Реформирование структур местного самоуправления в 1917 году // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 18–27.

10. Марченя П.П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 году // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 84–95.

11. Мистрюгов П.А. Организация чрезвычайных органов советской власти в Самарской губернии в 1917 – начале 1919 г. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 65–72.

12. Щелков А.Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году: монография. Самара: ПГСГА, 2014. 184 с.

13. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 41. Д. 175.

14. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 137.

15. Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на садово-парковое пространство в тыловых городах России (по материалам Поволжья) // Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10–11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О.А. Суховой, О.В. Ягова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 143–146.

16. Устюгова В.В. Культурный досуг революции: Пермь, 1917 год // Вестник Пермского университета. 2018. Вып. 1 (40). С. 149–158.

17. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 108.

18. Макеева Е.Д. Природоохранная деятельность в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 40–44.

19. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 109.

20. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 41. Д. 135а.

**THE PROTECTION OF THE URBAN LANDSCAPE DURING THE REVOLUTION OF 1917:
PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM (BASED ON THE EXAMPLE OF SAMARA)**

© 2020

Semenova Ekaterina Yurievna, doctor of historical sciences, associate professor,
head of Sociology, Political Science and Russian History Department
Samara State Technical University (Samara, Russian Federation)

Abstract. The paper examines the conditions existed during the revolutionary crisis, which affected the urban environment, including the violation of public order, discomfort for citizens, a threat to health, life and property. Changes have been identified in the possibilities of free movement of city residents and their use of landscape resources in urban space. The description of the work of garden and park complexes in the conditions of the transitional political process is given. Transformations in the leisure and entertainment landscape of the urban territory that arose in the conditions of the revolutionary period were analyzed: a change in the range of services and opportunities in the work of the city's garden and park ensemble. The author has identified ways to eliminate the problems, ensure the safety of life and preserve a comfortable environment in the city. The manifestation in a specific urban environment of the all-Russian trend of the crisis in the work of government structures to establish order is correlated with the protection of the garden and park zone. The author has also identified the reasons of regional scale, which influenced the work of local management structures, which turned out to be ineffective in resolving this situation, as well as the activities of specific responsible people in countering the destruction of urban space. The study was carried out on the basis of materials about the provincial Volga city – Samara. The source base is office documentation as part of the city government fund.

Keywords: Russian province; rear city; Samara; revolution; 1917; revolutionary daily occurrence; life; urban area; militia; the City Protection Commission; landscape gardening space; gardens; Strukovsky garden; Aleksandrovsky garden; Arzhanovsky garden.